

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Л. С. Васильев

Китай — страна древнейшей культуры. Некоторые националистски настроенные маоистские историки открыто спекулируют в наши дни на этой древности, стремясь использовать превратно истолковываемые исторические данные в определенных политических целях. В этой связи приобретает особую актуальность вопрос о причинах заметной близости, а в некоторых отношениях и идентичности культур древнекитайского неолита (Яншао, Луншань) и бронзы (Шан-Инь) в бассейне реки Хуанхэ с аналогичными культурами западных районов Евразии, развившихся по времени ранее. Суть дела состоит в том, что древнекитайский культурный комплекс зародился позднее, но развитие его шло затем довольно быстро. За счет чего же темпы эволюции древнекитайской культуры были ускорены?

В поисках ответа на этот вопрос исследователь неизбежно сталкивается с проблемой той роли, которую играют внешние влияния и взаимодействие культурными ценностями в истории человечества. Проблема эта не нова. Никто в принципе не может отрицать значение внешнего фактора для процесса культурной эволюции. Однако далеко не все в состоянии в полной мере его оценить. Многие рассматривают внешнее воздействие в качестве второстепенного фактора, лишь кое-что добавляющего к закономерной и обусловленной внутренними причинами эволюции. Между тем роль внешнего влияния различна на разных этапах развития любой этнокультурной общности, в тех либо иных условиях существования племени или государства. Например, уже сложившееся древнекитайское общество мало зависело от воздействий извне. Даже такие мощные иноземные культурные влияния, как буддизм, настолько перерабатывались, ассимилировались и китаизировались, что теряли свой первоначальный облик и вписывались в традиционные формы китайской культуры. Иное дело — самая глубокая древность, когда только еще закладывались основы китайской цивилизации, когда не существовало возникшей позже и казавшейся столь могущественной в своей консервативной стабильности национально-культурной традиции. В далекой древности роль внешних воздействий, будь то миграции племен, торговый обмен, военные походы или проникновение идей, могла оказаться не просто более значимой, но и в какой-то степени определяющей пути и темпы дальнейшей эволюции. Эту роль подчас удачно сравнивают с катализатором¹, который резко ускоряет реакцию и без которого нередко реакция вовсе невозможна.

Современная наука утверждает, что развитие мировой цивилизации — единый, взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс². Каж-

¹ См.: А. Л. Монгайт. Археология и современность. М. 1963, стр. 52.

² См.: С. Н. Артановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л. 1967.

дая, даже изолированная этнокультурная общность эволюционирует по сравнительно общим для всех законам. В то же время проявляются эти законы по-разному, хотя бы и в сходных или сравнимых условиях (природный фактор, возможности для контактов), к примеру, в Европе, Индии и Китае. Когда же обширная группа племен оказывается в изоляции, как, например, аборигены Австралии, то именно отсутствие возможности общения с внешним миром сказывается роковым образом на замедлении темпов их развития, несмотря на благоприятные природные условия. Поэтому взаимный обмен информацией — одно из условий развития человеческого общества³. Благодаря ему достижения одних становятся достоянием многих, и это резко ускоряет развитие в целом.

Речь идет не о всякой информации. Второстепенные изобретения и новшества сотни раз могли дублироваться в разных регионах мира в обществах, находившихся примерно на одинаковой ступени развития. Но чем важнее открытие, тем менее вероятно его дублирование⁴. Хотя бы потому, что такого рода изобретения, как добывание огня, открытие злакового земледелия, металлургии, использование колеса, были не случайным озарением гения, а результатом тысячелетних целенаправленных поисков передовых отрядов человечества. Эти поиски требовали колоссальной затраты ума, энергии, сил и средств, и картина мира была бы весьма удручающей, если бы каждое древнее общество вело такие поиски самостоятельно и изолированно, не пользуясь информацией о достижениях других. Нет сомнения в том, что подобная информация способствовала резкому убыстрению темпов эволюции тех обществ, которые были готовы к восприятию и реализации успехов, достигнутых другими.

Каналы информации не всегда и не везде функционировали быстро и успешно. Иногда создавались такие ситуации, при которых в различных концах Земли возникали сходные и параллельные явления, вызванные потребностями жизни, законами эволюции. Однако они, как правило, отличались своеобразием. Если же они не нивелировались рано или поздно в результате обмена информацией, то расхождения со временем могли становиться весьма значительными, что, в свою очередь, могло вести к существенным различиям в результатах⁵. В принципе постоянный взаимный обмен информацией в рамках если не человечества в целом,

³ Как писал Г. Чайлд, быстрота развития человечества несоизмерима с темпами эволюции органического мира благодаря способности человека учиться у соседа усваивать достижения других (V. G. Child. A Prehistorian's Interpretation of Diffusion. «Independence, Convergence and Borrowing in Institutions, Thought and Art». Cambridge (Mass.). 1937, p. 4).

⁴ На это обращал внимание, в частности, Р. Форбс (R. J. Forbes. Man the Maker. A History of Technology and Engineering. L. 1950, pp. 9—10). О том, что важнейшие изобретения были сделаны лишь однажды и затем распространялись повсюду из единого центра, писали многие специалисты (см., в частности: J. Needham. Science and Civilization in China. Vol. I. Cambridge. 1954, p. 229; H. S. Harrison. Discovery, Invention and Diffusion. «A history of Technology»). Vol. Oxford. 1954, p. 64).

⁵ Достаточно напомнить о том, что в юго-восточноазиатском регионе шел процесс ознакомления с примитивной шнуровой керамикой, корне- и клубнеплодным земледелием, о чем, в частности, свидетельствуют новейшие публикации археологов (W. G. Solheim II. New Directions in Southeast Asian Prehistory. «Anthropologica». N. S. Vol. XI. 1969, № 1; Chang Kwang-chih. Fengpitou, Tapengeng and the Prehistory of Taiwan. New-Haven. 1969; C. Chard. Early Radiocarbon for Pottery in Japan and Implications. «Труды» VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. V. М. 1970). Но если в западноазиатском регионе переход к зерновому земледелию и все сопутствовавшие ему нововведения действительно оказались фундаментом дальнейшего ускоренного развития и сложения основ цивилизации, то в юго-восточноазиатском клубнеплодное земледелие так и не вышло за пределы второстепенной отрасли хозяйства, служившей лишь подспорьем основным отраслям — охоте и рыболовству, по крайней мере до знакомства народов Юго-Восточной Азии с зерновым земледелием (около III тыс. до н. э.).

то по крайней мере крупных континентов (Старого Света, Нового Света) был естественным условием существования обществ, которые по тем или иным причинам оказались или могли оказаться в числе передовых, уже закладывавших фундамент будущей цивилизации.

Это становится особенно наглядным при рассмотрении так называемой неолитической революции, то есть комплекса тесно связанных друг с другом важнейших нововведений (земледелие, скотоводство, керамика, оседлость и строительство, прядение и ткачество, развитые ритуалы и культы и т. д.), появление которых знаменовало собой поистине революционный скачок — переход от присваивающего хозяйства к производящему. Эта своеобразная революция, благодаря которой человек получил возможность создавать и накапливать прибавочный продукт, что явилось основой возникновения цивилизаций городского типа и древнейших государств, длилась несколько тысячелетий (X—VI тыс. до н. э.) и протекала, по имеющимся данным, только в одном регионе (в пределах Старого Света) — в холмистых районах и предгорьях Западной Азии (Загрос, Анатолия, Палестина). Именно здесь, как об этом свидетельствуют общепризнанные ныне выводы Н. И. Вавилова⁶, были одомашнены дикие животные и растения⁷, сделаны важнейшие неолитические открытия, сложился производящий образ жизни. Затем под давлением избытка населения⁸ первые земледельцы и скотоводы стали расселяться в соседних районах, в частности в плодородных долинах рек Нила, Тигра, Евфрата, Инда, где и возникли в последующее время очаги первичных цивилизаций.

В долинах Тигра, Евфрата, Нила развитый неолитический комплекс появился примерно в V тыс. до н. э., в долине Инда — чуть позже, причем большинство специалистов утверждает, что истоки индийской, месопотамской, древнеегипетской цивилизаций в конечном счете восходят к Западной Азии. Единственный, к тому же наиболее далекий, поздний и своеобразный древнейший очаг первичной цивилизации в долине одной из плодороднейших рек Евразии Хуанхэ не имеет, как может показаться на первый взгляд, прямого отношения к ближневосточной неолитической революции. Но так ли это на самом деле?

Известно, что Яншао, первая культура земледельческого неолита в бассейне Хуанхэ, принадлежала к серии так называемых культур расписной керамики и, как и все другие культуры этой серии, генетически восходящие к той же ближневосточной зоне, была хорошо знакома со всеми достижениями неолитической революции. Яншаосцы умели выращивать злаки (в основном чумизу), занимались скотоводством (разводили свиней, приручали собак), жили в оседлых поселениях, хорошо знали неолитические орудия производства из камня, кости и дерева, были знакомы с прядением и ткачеством, с производством керамики различных типов, в том числе украшенной богатым и наполненным ритуальной символикой орнаментом и росписью. Другими словами, в бассейне Хуанхэ, как это было и в бассейнах Нила, Инда, Тигра и Евфрата, зерновое земледелие появилось в виде развитого и вполне зрелого неолитического комплекса, имевшего в качестве предыстории тысячелетия постепенной эволюции. Но если в большинстве случаев эта эволюция точно локализовалась и фиксировалась, благодаря чему истоки знаний и опыта

⁶ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.-Л. 1932. Об исследованиях Вавилова и их оценке см.: O. Sauer. *Agricultural Origins and Dispersals*. N. Y. 1952, p. 21; R. Coulbourn. *The Origin of Civilized Societies*. Princeton. 1959, p. 53.

⁷ Подробнее см.: П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М. 1964; C. A. Reed. *Animal Domestication in the Prehistoric Near East*. «Science», 1959, vol. 130, pp. 1629—1638; F. E. Zeuner. *A History of Domesticated Animals*. L. 1963.

⁸ Подробнее см.: В. М. Массон. *Средняя Азия и Древний Восток*. М. 1964; его же. *Поселение Джейгун*. М. 1971.

древнейших земледельцев Египта, Двуречья или Индии являются по существу бесспорными, то в отношении истоков Яншао дело обстоит намного сложнее.

С одной стороны, между зерновым земледельческим неолитом Яншао и аналогичными культурами Западной Азии сходство заметно и несомненно. Оно заключается в самом главном — в факте знакомства с зерновым земледелием, домашним скотоводством, в образе жизни, верованиях и представлениях, в том числе в погребальном обряде, символике и семантике росписи на керамике. Сходство здесь выражается в том, что в бассейне Хуанхэ представлен, по сути дела, тот же самый комплекс достижений развитого неолита (за очень немногими исключениями), который встречается и в бассейнах Нила, Инда, Тигра и Евфрата. Немало сходного и в деталях, причем наиболее убедительным это становится при ознакомлении с росписью на керамике, семантика и символика которой, равно как и техника, орнамент и принципы изображения у яншаосцев в основном те же, что и на Ближнем Востоке⁹. Не случайно после первых же находок шведским археологом И. Андерсоном стоянок типа Яншао в начале 20-х годов версия о связях с западными культурами и о некитайском происхождении Яншао получила широкое признание среди специалистов¹⁰. Не удивительно, что в те годы многим казалось, что вопрос ясен и яншаоский неолит убедительно подтверждает идею об однородности человеческой культуры. Однако более тщательное изучение яншаоского неолита показало, что он довольно существенно отличается от западноазиатского неолита.

Во-первых, яншаосцы оказались явно выраженными монголоидами, поэтому более логично предположить их генетическую связь с китайско-монгольским палеолитом, восходящим к эпохе синантропа, а не с неолитом ближневосточной зоны. Во-вторых, наиболее явно выраженные аналогии в области росписи оказались по времени более поздними, принадлежащими лишь к эпохе Яншао в целом¹¹. В-третьих, яншаоский неолит имел немало своеобразных черт (преобладающий вид злаков — чумиза, а не пшеница или ячмень, как на Ближнем Востоке; вид домашнего скота — свинья, а не овца или коза; вместо домов из сырцового кирпича яншаосцы строили полужемлянки каркасно-столбовой конструкции и т. д.). Все эти соображения, в том числе трудно опровергаемый тезис о том, что между Западной Азией и Хуанхэ — огромные расстояния, где пока не обнаружено никаких связующих звеньев, легли в основу позиции тех, кто решительно отвергает идею о притоке информации извне как решающем моменте генезиса китайского неолита¹².

Если к этому добавить, что в 50-е и начале 60-х годов в результате работы китайских археологов количество материалов заметно возросло (почти все эти внушительного объема материалы опубликованы на китайском языке, а для их анализа нужно немалое время и определенная специализация), то окажется неудивительным, что ныне все меньшее число синологов может квалифицированно судить о том, как же в действительности обстоит дело с яншаоским неолитом и его истоками. Китайские археологи в подавляющем большинстве склонны вообще игно-

⁹ A. Bulling. *The Meaning of China's Most Ancient Art*. Leiden. 1952; Б. А. Рыбаков. *Космогония и мифология земледельцев энеолита*. «Советская археология», 1965, №№ 1, 2.

¹⁰ В основном этого мнения придерживаются западные синологи. В самом Китае к этой версии относятся сдержанно, а в последние годы — резко отрицательно.

¹¹ J. G. Andersson. *Researches into the Prehistory of the Chinese*. «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities» (BMFEA). Stockholm. 1943, № 15, pp. 287—291. Следует отметить, что новые открытия (стоянка Мядоигу) значительно удревнили эти аналогии.

¹² На этой позиции стоят ныне многие специалисты в КНР. Основные ее моменты освещены в статье: М. В. Крюков. *У истоков древних культур Восточной Азии*. «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.

рировать проблему генезиса Яншао. Позиция их примерно такова: Яншао — древнекитайская культура, возникла в самом Китае, принадлежала протокитайцам-монголоидам; как, где и когда она формировалась, неясно; но это не означает, что должно говорить о каких-то влияниях или тем более заимствованиях; напротив, яншаоский неолит возник в центре бассейна Хуанхэ и затем распространился во все стороны, в том числе и на запад. Такая точка зрения нашла прямое отражение в ряде археологических публикаций, в частности в изданных вне Китая¹³. Со сторонниками ее нелегко спорить, но это не означает, что их позиция в решении вопроса о генезисе Яншао неуязвима и верна. Достаточно внимательно разобраться в печатавшихся в КНР в основном до 1965 г., то есть до начала «культурной революции», публикациях китайских археологов, в их спорах друг с другом о различных культурах, вариантах и этапах Яншао, в их интерпретации имеющегося материала, достаточно посмотреть на все это непредвзятым взглядом с учетом общих закономерностей эволюции мировой цивилизации, чтобы вопрос о генезисе китайской цивилизации, в частности Яншао, предстал в ином свете. При этом важно заметить, что обильные материалы археологических публикаций 50-х — 60-х годов убедительно подкрепляют уже высказанную выше общую идею о роли внешней информации в ускорении темпов развития.

Итак, как же возникла культура Яншао? Один из немногих исследователей, который во всеоружии современных знаний задается этим вопросом, Чжан Гуан-чжи, в поисках ответа на него потратил немало сил и времени, но не сумел добиться заметного результата. Так, тезис Чжан Гуан-чжи, что развитому неолиту Яншао должен был предшествовать более примитивный неолитический (даже субнеолитический, то есть знакомый лишь с отдельными достижениями неолита и незнакомый с другими, в том числе важнейшими, например, с зерновым земледелием) горизонт, в целом не вызывает сомнений. Такой древнейший субнеолитический пласт фиксируется в сибирско-монгольском и юго-восточноазиатском регионах, причем (особенно в Юго-Восточной Азии) задолго до Яншао. Но вблизи бассейна Хуанхэ следов этого горизонта археологи пока не обнаружили. Другой тезис Чжана Гуан-чжи — о самостоятельной неолитической революции, которая должна была протекать где-то в бассейне Хуанхэ или поблизости от него, явно повисает в воздухе. И не только потому, что следов такого рода революции, на которую в ближневосточной зоне ушли долгие тысячелетия и которая отнюдь не может быть иголкой в стоге сена, здесь пока нет. Причина еще и в том, что никакая эволюция субнеолита сибирско-монгольского или юго-восточноазиатского типа не могла бы привести к неолитическому комплексу Яншао без получения недостающей информации извне. В какой-то степени это ощущает и сам Чжан Гуан-чжи, который допускает возможность импульса извне, хотя и считает его роль незначительной, представляющей «чисто академический интерес»¹⁴.

Между тем этот импульс означает нечто большее, чем полагает Чжан Гуан-чжи. Функции его едва ли свелись к тому, что он познакомил протояншаосцев «с идеей производства пищи», хотя само по себе это имеет далеко не «чисто академический интерес». По сути дела, вопрос сводится к тому, что определенный комплекс вполне развитых неолитических достижений оказался каким-то образом известен протояншаосцам, жившим в то время скорее всего еще не в бассейне Хуанхэ и в культурном отношении стоявших на уровне субнеолитических племен го-

¹³ Ch'eng Tê-k' u n. Archaeology in China. Vol. 1. Prehistoric China; vol. 2. Shang China; vol. 3. Chou China. Cambridge. 1959, 1960, 1963; Ch'ang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. N. Y. 1 ed.—1964; 2 ed.—1968.

¹⁴ Ch'ang Kwang-chih. Op. cit., 1 ed. (1964), p. 54.

ризонта шнуровой керамики сибирско-монгольского или юго-восточно-азиатского типа. Именно в результате этого плодотворного синтеза не понадобилось никакой многотысячелетней неолитической революции, а обогатившиеся за счет заимствования извне протояншаосцы начали осваивать и заселять бассейн Хуанхэ. Но где и когда произошел такой синтез?

Земледельческий неолит расписной керамики в бассейне Хуанхэ представлен многими сотнями стоянок, которые примерно поровну распределяются между двумя основными зонами — западной, ганьсуйской, и центральной, шэньси-хэнаньской. Стоянки, как правило, однослойны и тонки (в среднем 1,5—2 м), что соответствует приблизительно полутора-двум сотням лет обитания, причем несколько более мощные (до 5—7 м), в том числе двух- и трехслойные, встречаются преимущественно на западе, в ганьсуйской зоне, где неолит расписной керамики просуществовал дольше. Древнекитайский неолит в центральной зоне имеет два основных варианта — Баньпо и Мяодигоу, разница между которыми сводится к тому, что в Баньпо расписной керамики меньше, а роспись более скудна и элементарна по сравнению с Мяодигоу¹⁵. Вопрос о соотношении обоих вариантов не решен¹⁶, но наиболее заслуживающей внимания представляется точка зрения Ши Син-бана и Су Бин-ци о том, что оба варианта существовали скорее всего параллельно¹⁷. Впрочем, в любом случае это еще не решает вопроса о генезисе Баньпо и Мяодигоу. В центральной зоне нет следов дояншаоского неолита, из которого можно было бы вывести и Баньпо, и Мяодигоу, а друг из друга эти варианты с их различным стилем и рисунками явно не выводятся. Зато истоки обоих этих вариантов можно обнаружить в западной зоне Яншао. Но китайские археологи в своих нескончаемых спорах по вопросу о соотношении Баньпо и Мяодигоу обходят это молчанием. Более того, они неустанно говорят о первичности центральной зоны Яншао по отношению к западной и тем самым как бы заранее отвергают возможность какой-либо иной постановки вопроса.

В ганьсуйской зоне яншаоские стоянки распадаются на западную и восточную субзоны. При этом в первой преобладают стоянки типа ганьсуйского Яншао (Мацзяяо), во второй фиксируются стоянки типа «Яншао в Ганьсу», близкие к Яншао центральной зоны. Китайские археологи отметили закономерность: ближе к стыку между субзонами (междуречье Вэйхэ и Таохэ) стоянки Яншао имели сильную примесь Мацзяяо, а Мацзяяо — Яншао, тогда как более или менее «чистые» стоянки типа Мацзяяо или Яншао тяготели соответственно к западному и восточному краям зоны¹⁸. Другими словами, обе культуры как бы смешивались друг с другом и, чем ближе к стыку, тем интенсивнее. Казалось бы, отсюда должен следовать вывод об одновременности столь явно взаимодействовавших друг с другом родственных культур.

¹⁵ Оба варианта детально описаны в монографиях: «Мяодигоу юй Сяньлицяо». Пекин. 1959; «Сиань, Баньпо». Пекин. 1963.

¹⁶ За приоритет Мяодигоу высказались Ань Чжи-минь («Сиань, Баньпо»), Ян Цзянь-фан («Критика «Мяодигоу юй Сяньлицяо». «Каогу», 1961, № 4); за приоритет Баньпо — У Жу-цзо и Ян Ци-чан («О некоторых проблемах монографии «Мяодигоу юй Сяньлицяо». «Каогу», 1961, № 1), а также У Ли, Чжан Ши-цюань («Каогу», 1961, № 7) и другие.

¹⁷ Впервые этот вопрос поставил Ши Син-бан («Некоторые проблемы культуры Мацзяяо». «Каогу», 1962, № 6, стр. 326); развил его Су Бин-ци («Некоторые проблемы культуры Яншао». «Каогу сюэбао», 1965, № 1). К их позиции присоединился Ли Ши-гуй, раскопки которого в Сямэнцунь (где нижний слой принадлежал Баньпо, верхний — Мяодигоу) убедили его лишь в том, что одна соседняя параллельно развивавшаяся культура случайно напластовалась на другую (Ли Ши-гуй, Цзэн Ци. К вопросу о характере и датировке культуры Сяньлицяо — Яншао. «Каогу», 1965, № 11).

¹⁸ Го Дэ-ю и. Археологическое обследование уездов Вэйюань, Лунси и Ушань в верховьях Вэйхэ, Ганьсу. «Каогу тунсюнь», 1958, №№ 7—8; Чжан Сюэ-чжэн. Памятники древних культур пров. Ганьсу. «Каогу сюэбао», 1960, № 2, стр. 12—13.

Однако китайские археологи заранее исходят из того, что культура Яншао предваряет культуру Мацзяяо, и это ставит их в сложное положение. В своем стремлении отстоять первичность Яншао они опираются на данные стоянки Вацзяпин в Ганьсу, где верхний слой более или менее «чистого» Мацзяяо перекрывает нижний смешанный («Яншао в Ганьсу» с примесью Мацзяяо)¹⁹. Этот факт, несмотря на свою единичность, не только не был поставлен под сомнение или признан случайным, но, напротив, был воспринят в качестве убедительного доказательства первичности Яншао вообще, а также первичности Яншао и в центральной зоне, откуда китайские археологи выводят «Яншао в Ганьсу». При этом, однако, как-то забывается, что, несмотря на всю свою «первичность», культура «Яншао в Ганьсу» все-таки смешивалась с культурой Мацзяяо, то есть практически они существовали одновременно. Заметим, что тезис о смешении этих культур выдвинули сами китайские археологи, причем в смешанных яншао-мацзяюских стоянках действительно фиксируется смешение элементов Яншао и Мацзяяо, а не трансформация первых во вторые. Значит, были две разные культуры, родственные друг с другом, и они взаимодействовали. Как это принято считать в китайской литературе, Яншао появилась из центральной зоны. Но каково же тогда происхождение взаимодействовавшей с нею Мацзяяо?

Если принять версию о приоритете Яншао центральной зоны, создается заколдованный круг: в самой центральной зоне происхождение обоих вариантов, Баньпо и Мяодигу, неясно; не выяснено и происхождение Мацзяяо в ганьсуйской зоне. Четко вырисовывается одно: культура «Яншао в Ганьсу» пришла из центра, а это для китайских археологов самое главное. Подкреплению данного тезиса служат и опубликованные в 1972 г. в Китае первые результаты радиоуглеродного анализа: 5 600—6 080 лет тому назад (±150) для Баньпо и 4 150 — для Мацзяяо²⁰. Другими словами, хронологический разрыв между Баньпо и Мацзяяо, то есть между Яншао центральной зоны и «Яншао в Ганьсу», оказался равным 1,5—2 тысячелетиям. Напомним, что даже в лабораториях с гораздо большим опытом при радиоуглеродном анализе ошибки (причем ошибки в масштабах тысячелетий) встречаются довольно часто²¹. Можно, конечно, понять преувеличенный разрыв между явно родственными и к тому же взаимодействовавшими друг с другом культурами, располагавшимися по соседству (разделенными едва ли 200—300 км по хорошему пути вдоль р. Вэй), и иначе — как стремление по возможности убедительнее доказать первичность культуры центральной зоны. Но это-то и вызывает сомнения. Разрыв явно невероятный, он сам нуждается в объяснении и ничего не проясняет.

Можно, однако, взглянуть на приведенные факты и с несколько иных позиций, обратив внимание на те обстоятельства, которым китайские археологи обычно не придают особого значения. Прежде всего отметим, что в Ганьсу в отличие от центральной зоны не зафиксировано вариантов типа Баньпо или Мяодигу в культурах собственно Яншао. А ведь если бы ганьсуйская зона была вторичной, то эти варианты неизбежно должны были бы себя каким-то образом проявить. Между тем в яншаюских стоянках Ганьсу фиксируются черты обоих вариантов в виде недифференцированного целого. Далее, между вариантом Мяодигу в центральной зоне и ганьсуйским Яншао археологи нашли определенное сходст-

¹⁹ Чжан Сюэчжэн. Сообщение об археологическом обследовании уездов Цзяньтао и Цзянься, пров. Ганьсу. «Каогу тунсюнь», 1958, № 9, стр. 38—41.

²⁰ Ань Чжиминь. К проблеме датировки первобытных культур Китая. «Каогу», 1972, № 1, стр. 58; Го Можо. Развитие типов древнекитайской письменности. «Каогу», 1972, № 3, стр. 2.

²¹ См., в частности, С. В. Бутомо. Применение радиоуглеродного метода в археологии (с таблицей анализов). «Новые методы в археологических исследованиях». М.-Л. 1963.

во²², а это примечательно, если напомнить, что в самой центральной зоне истоки варианта Мяодигоу пока не прослеживаются. Все это вкуче с противоречиями, связанными с вопросом о взаимодействии Яншао и Мацзяяо в Ганьсу, о которых уже упоминалось, дает основание пересмотреть ставшую столь привычной для китайских археологов презумпцию первичности центральной зоны и выдвинуть новую интерпретацию накопленных археологией фактов.

Предположим, что Мацзяяо и собственно Яншао, которые будто бы смешивались друг с другом в Ганьсу, есть на самом деле не две вступавшие во взаимодействие различные культуры, а два родственного варианта, уходящие корнями к общему истоку в центре ганьсуйской зоны и расходящиеся к ее полюсам, на запад и на восток от междуречья Таохэ и Вэйхэ. Формально это вполне оправданно: деление на Яншао и Мацзяяо, введенное в 40-е годы И. Андерсоном, условно, а родство этих культур несомненно. С чисто же археологической точки зрения это не только приемлемо, но даже предпочтительно: исчезают противоречия, связанные с проблемой генезиса Мацзяяо и смешения собственно Яншао с неизвестно откуда взявшейся и заведомо будто бы более поздней культурой Мацзяяо; разрешается проблема Мяодигоу, уходящей корнями в Ганьсу; наконец, проясняется и проблема генезиса Баньпо, которая для центральной зоны пока тоже не решена. Единственное, что противоречит выдвигаемому предположению (кроме оставленных нами пока в стороне данных радиоуглеродного анализа), это принятая исследователями трактовка стоянки Вацзяпин. Однако более внимательная оценка всех данных, уточняющая характер слоев, фактически снимает и это противоречие: ведь верхний слой («чистое» Мацзяяо) стоянки перекрывает нижний, смешанный, характерный именно для стыкового района верховьев Вэйхэ, о чем пишет сам автор публикации²³. Другими словами, данные из Вацзяпин подкрепляют вывод о том, что в центре ганьсуйской зоны ранее существовала некая смешанная пракультура протояншао-мацзяяоского типа. Имеющийся археологический материал дает основание полагать, что двигавшиеся на восток вдоль Вэйхэ потомки одной из ветвей этой пракультуры приобретали постепенно те культурные признаки, которые стали характерными сначала для «Яншао в Ганьсу» (недифференцированное собственно Яншао с небольшим количеством признаков Мацзяяо), а затем, по мере удаления, — для Яншао центральной зоны с ее уже выделившимися основными вариантами Баньпо и Мяодигоу. Другая ветвь потомков пракультуры, двигаясь на запад, привела со временем к формированию более или менее «чистого» Мацзяяо, слой которого и оказался напластованным на ранний слой смешанной пракультуры в Вацзяпин.

В ходе этого раздвоения смешанной пракультуры и возникли вначале варианты Мацзяяо и «Яншао в Ганьсу», а затем и вся культура Яншао центральной зоны (основные стоянки которой, в том числе Баньпо и Мяодигоу, находят аналогии в Ганьсу). В этом случае легко объяснить не только отсутствие следов добаньпоского и домяодигоуского земледельческого неолита в центральной зоне, но и недифференцированность «Яншао в Ганьсу», и близость последнего к Мацзяяо, и даже тяготение наиболее смешанных стоянок яншао-мацзяяоского типа к определенному центру в междуречье Таохэ и Вэйхэ. Неясным остается лишь один вопрос: откуда же появилась эта пракультура? Если первые следы китайского земледельческого неолита фиксируются не в центре

²² Имеется в виду сходство материала стоянки Сииньцунь (типа Мяодигоу) с яншаоскими стоянками в Ганьсу (Ян Цзяньфан. О периодизации культур Яншао и Мацзяяо. «Каогу сюэбао», 1962, № 1, стр. 70).

²³ Чжан Сюэчжен. Сообщение об археологическом обследовании уездов Цзяньтао и Цзянься, пров. Ганьсу, стр. 39.

Хуанхэ, а близ ее истоков (на крайнем западе собственно Китая), то поиски специалистами аналогий и возможных истоков Яншао на западе закономерны и оправданы²⁴. Открытие же в пригималайской Индии специфической субнеолитической культуры охотников и собирателей типа Бурзахом (близ Сринагара), явно бывшей выплеском монголоидной сибирско-северокитайской зоны раннего неолита, позволяет предположить, что колы скоро культура такого типа, преодолев мощные горные хребты, оказалась в Индии, то это означает, что подобные хребты были проходимы и до III тыс. до н. э., которым датируются ранние слои Бурзахом²⁵.

По-видимому, спорадические контакты охотников и собирателей субнеолита типа Бурзахом с земледельцами развитого неолита, мигрировавшими в поисках новых земель где-то в районе Северной Индии или Афганистана, могли способствовать накоплению информации у местных племен, даже заимствованию основных идей и принципов доместикации — одомашнивания злаков и скота, а также знакомства с расписной керамикой и т. п. Стоит обратить внимание и на то, что изготовлением такой керамики занимались женщины, которых в случае столкновения обычно брали в плен и включали в состав племени-победителя. Если же мигрировавшее в ходе постоянных перемещений племя уже обогатившись информацией и подготовленных к переходу к земледелию собирателей и охотников оказывалось в более или менее благоприятных районах предгорьев, где оно могло найти условия для перехода к оседло-земледельческому образу жизни, для доместикации каких-то новых злаков (чумиза) и видов скота (свинья), оно могло преодолеть тысячелетия неолитической революции за несколько веков. После этого какая-то группа потомков этого племени могла, двигаясь в поисках новых земель, появиться в конечном счете в междуречье Таохэ и Вэйхэ и отсюда начать освоение бассейна Хуанхэ.

Вот гипотетическая реконструкция возможного процесса. Преимущество ее состоит в том, что она, во-первых, учитывает и включает в определенную систему все известные археологам факты; во-вторых, позволяет разрешить те противоречия, о которых упоминалось выше; наконец, эта гипотеза дает возможность поставить проблему генезиса китайского земледельческого неолита на реальную почву и объяснить как факты несомненной общности Яншао с другими культурами расписной керамики Евразии, так и причины существенных его отличий от всех них, причем необходимо подчеркнуть, что возникший в ходе сложного этнокультурного синтеза неолит Яншао был именно китайской культурой, а насельники его — первыми и бесспорными протокитайцами.

На смену недолговечной культуре Яншао в бассейне Хуанхэ на рубеже III—II тыс. до н. э. пришел луншаноидный горизонт черно-серой керамики, распространившейся затем и к югу от Хуанхэ. Хотя культура Луншань формировалась в основном на базе Яншао, она имела и существенные отличия. Ей были знакомы окультуренные в Западной Азии злаки (пшеница, ячмень, просо), выведенные там же породы домашнего скота (бык, баран), новые типы сосудов (в том числе трипод «ли» на полых ножках в форме вымени), гончарный круг и практика скапулимантии (гадание на костях животных). Есть основания полагать, что в процессе генезиса Луншань, как и в случае с Яншао, сыграли роль и внешние компоненты. Эта новая культура также была результатом сложного процесса синтеза разных элементов.

²⁴ На Ганьсу как на ключ к поискам контактов с западным земледельческим неолитом указывали многие специалисты, в частности в последнее время У. Фэйрсервис (W. A. Fairservis. *The Origins of Oriental Civilizations*. N. Y. 1964, pp. 103—114).

²⁵ B. Allchin, R. Allchin. *The Birth of Indian Civilization*. S. L. 1968, pp. 158—160.

По мере распространения земледелия на периферии ближневосточной зоны, особенно в степной полосе к северу от нее, в мало приспособленных для земледелия условиях, в III тыс. до н. э. сложилась группа скотоводческих неолитических племен²⁶, которые не только активно перемещались на огромной территории от Причерноморья до Монголии, но и постоянно вбирали в себя все новые племена субнеолитических охотников и собирателей, в том числе обитавших в восточной части этой зоны монголоидов. В ходе этого процесса неоскотоводческие племена к северу от Хуанхэ могли приобрести те культурные элементы (одомашнивание рогатого скота, знакомство с гончарным кругом и связанное с ним изготовление нерасписной черно-серой посуды, ставшей объектом производства специалистов-ремесленников, а также характерная для скотоводов скапулимантия и сосуды типа «ли»), которые затем стали достоянием Луншань. Видимо, именно взаимодействие племен этого типа с земледельцами-яншаосцами и привело к формированию луншаньского культурного комплекса, начальным этапом существования которого следует вероятнее всего считать культуру Цицзя в Ганьсу.

Эта культура характеризовалась почти полным отсутствием расписной керамики (вследствие чего Андерсон ошибочно датировал ее дояншаоским временем) и преобладанием грубого керамического инвентаря различных оттенков, от коричнево-красноватого и черного до серого и белого. Керамика Цицзя, восходящая большинством форм к Яншао, отличается не столько обилием новых типов (например, трипод «ли»), сколько иной орнаментацией: преобладали шнуровой и гребенчатый орнаменты, а также лощение тонкостенных сосудов. По-видимому, для лощения использовался гончарный круг, который для выделки сосудов, возможно, и не применялся. Каменный инвентарь Цицзя напоминает яншаоский, но здесь встречаются и ножи типично луншаньской серповидно-полулунной формы. Строения — яншаоского типа, но с известковой обмазкой стен, что характерно для Луншань. Цицзясцы разводили рогатый скот, знали скапулимантию, изготавливали мелкие поделки из меди, бывшие, видимо, предметами импорта или изделиями из самородного металла²⁷. Итак, культурный облик Цицзя позволяет заключить, что складывавшаяся в Ганьсу на яншао-мацзяоской основе культура получила важнейшие свои новшества (рогатый скот, гончарный круг, новые приемы обработки керамики, знакомство с металлом) извне, скорее всего благодаря контактам со скотоводческой периферией к северу и северо-западу от Ганьсу.

В центральной зоне тоже шел процесс культурной трансформации Яншао: в переходной культуре типа Мяодигоу-II преобладает уже серая и красноватая шнуровая керамика, появляются каменные ножи полулунной формы, известковая обмазка стен и др., хотя неясно, появлялись ли эти нововведения в результате только спонтанной эволюции или здесь имело место взаимодействие с Цицзя. Однако в любом случае тип Мяодигоу-II был переходным, на базе которого сформировались местные модификации развитого Луншаня, шэньсийская и хэнаньская. Более восточный, хэнаньский вариант отличает знакомство с гончарным кругом и черной лощеной керамикой; трипод «ли» для него не характерен, нет следов того, что разводили рогатый скот и была известна скапулимантия. Более западному и соседнему с Цицзя шэньсийскому варианту

²⁶ Описание этого процесса см.: И. Н. Хлопин. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М. 1970.

²⁷ О Цицзя см., в частности: Го Дэ-юнь. Доклад о раскопках стоянки Хуаньянтай, уезд Увэй, пров. Ганьсу. «Каогу сюэбао», 1960, № 2; M. Bylin-Altchin, Chi-chia-ping and Lo-han-tang. «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities» (BMFEA). Stockholm. 1946. № 18.

свойственно хорошее знакомство с рогатым скотом, скапулимантией и триподом «ли», но черная керамика и гончарный круг играют в нем незначительную роль²⁸.

Иными словами, шэньсийский вариант как в культурном, так и в географическом плане стоит как бы посередине между ганьсуйским Цицзя и хэнаньским Луншанем. Если расположить все варианты в одну линию, то окажется, что (при практически равной интенсивности археологического изучения Ганьсу, Шэньси и Хэнани) они связаны определенной закономерностью: богато представленная сотнями стоянок западная Цицзя сменяется на востоке менее представительными (самое большее — десятки стоянок) вариантами; от обладавшей мощным культурным комплексом Цицзя наблюдается переход к более скромной сумме все тех же признаков в Шэньси (нет гребенчатой и белой керамики, меди) и еще более скудному их набору в Хэнани (нет рогатого скота, отсутствует скапулимантия, почти нет сосудов «ли»). Уменьшение суммы одних и тех же принципиально важных нововведений луншаноидного горизонта с запада на восток наводит на мысль, что именно в этом направлении шел поток культурных влияний. Однако сама по себе сумма нововведений определяет далеко не все: хэнаньский вариант с его широким применением гончарного круга и обилием черной тонкой лощеной керамики по уровню развития явно превосходил шэньсийский. На базе хэнаньского Луншаня сложился на востоке Китая, в Шаньдуне, баотоуский вариант, хотя ряд специалистов считает, что в процессе генезиса этого варианта, на основе которого со временем появился поздний «классический» (чэнцзыайский) Луншань, свое влияние оказали и другие культуры луншаноидного горизонта, в частности южная Цинляньган-Люлинь²⁹.

Южнолуншаноидные культуры Цюйцзялин и Цинляньган тоже, видимо, сложились на базе Яншао. Им были известны основные культурные признаки Луншаня (черная лощеная керамика, гончарный круг и др.), но имелся также ряд специфических черт, например, знакомство с рисосеянием, со своеобразной росписью на сосудах и вычурными формами сосудов «доу» (рюмкообразные на тонком высоком поддоне) и триподов «дин» (котелки на трех тонких длинных сплюснутых пальцеобразных ножках)³⁰. Если добавить знакомство южнолуншаноидных культур с чайникообразными сосудами, не встречавшимися в Яншао и Луншань, но хорошо известными по расписной керамике Декана, то проблема еще одной линии возможных культурных контактов внутри южноазиатской рисосеющей зоны осложнит и без того запутанный вопрос о генезисе этих культур. Как бы там ни было, вопрос о генезисе Цюйцзялин и Цинляньган остается пока неясным³¹. Можно предположить, что

²⁸ Примером стоянки развитого хэнаньского Луншаня может служить Саньлицяо-II («Мяодигоу юй Саньлицяо»), эталоном шэньсийского Луншаня считается Кэ-шэнчжуан-II («Фэнси фачу баогао». Пекин. 1962).

²⁹ Ян Цзы-фань, Ван Сы-ли. О культуре Луншань. «Каогу», 1963, № 7.

³⁰ Характеристику этих культур см.: Цзинь Сюэ-шань. Сообщение о раскопках 1958—1961 гг. в уездах Юньсянь и Цзюньсянь, пров. Хубэй. «Каогу», 1961, № 10; «Циншань Цюйцзялин». Пекин. 1965; Инь Хуань-чжан и др. Сообщение о раскопках стоянки Дадуньцзы близ Сыхучжэнь, уезд Пэйсянь, пров. Цзянсу. «Каогу сюэбао», 1964, № 2; J. M. Treistman. «Ch'i-chia-ling» and the Early Cultures of the Hanshui Valley, China. «Asian Perspectives», 1970, vol. XI.

³¹ Разумеется, речь не идет о том, что в процессе генезиса культур луншаноидного горизонта к югу от Хуанхэ принимали участие лишь внешние компоненты, будь то Яншао, Луншань и другие. Бесспорно, что во многом в ходе этого процесса решающее значение имели местные субнеолитические племена. Однако вместе с тем едва ли стоит гипертрофировать это значение (см.: Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л. 1972). Ведь если исходить из того, что едва ли не каждая малая племенная общность Южного Китая развивалась спонтанно, самостоятельно проделывая путь к земледельческому неолиту, то необходимо будет оставить в стороне прин-

развитие южнолуншаноидных культур Цюйцзялин и Цинляньган происходило параллельно с формированием различных вариантов развитого Луншаня в бассейне Хуанхэ и что основное направление культурного влияния на юге также шло скорее всего в направлении с запада на восток, ибо на востоке, чуть южнее Шаньдуна, фиксируются наиболее поздние и развитые варианты цюйцзялинско-цинляньганского культурного типа, например, Люлинь. Эти два параллельных и одновременных потока культурных влияний луншаноидного типа встретились где-то в районе Шаньдуна, а результатом их взаимодействия явился баотоуский (а затем и «классический») вариант позднего Луншаня, на котором практически закончила свою эволюцию эта культура.

Луншаньско-луншаноидный неолит черно-серой керамики во всех своих модификациях привел к распространению земледелия на большей части территории собственно Китая, причём расцвет земледельческого неолита и производящего хозяйства заложил фундамент для возникновения в бассейне Хуанхэ цивилизации городского типа. Первичный очаг такого рода цивилизации появился в Китае в эпоху Инь, примерно в середине II тыс. до н. э., то есть на два-три тысячелетия позже того, как аналогичные очаги возникли в Египте или Месопотамии. Позднейшая китайская историографическая традиция описывает иньцев как легкое на подъем племя, спорадически менявшее места своего обитания, знакомое с земледелием и скотоводством, металлургией и письменностью, почитавшее свои запряженные лошадьми боевые колесницы и верховное божество-первопредка Шанди. В наши дни эта традиция получила подкрепление в ходе археологических раскопок иньских городищ (Аньян и Чжэнчжоу) и стоянок с их дворцами и хижинами, городскими стенами и ремесленными мастерскими, бронзовыми сосудами и гадательными костями с надписями. Были раскопаны и пышные гробницы-мавзолеи иньских правителей — ванов, погребенных вместе с роскошной утварью, богатым оружием и сотнями людей. Археологи обнаружили высокоразвитую культуру, разительно отличающуюся от ее примитивных неолитических предшественников. Естественно, перед специалистами встал вопрос о ее истоках и связях.

Не подлежит сомнению, что немалое количество культурных признаков Инь выросло на местной, яншао-луншаньской неолитической почве³². Вместе с тем ряд важнейших признаков (металлургия, колесницы, бронзовое оружие, техника крупного строительства, развитое искусство, письменность) резко противостоят всему, что знакомо китайскому неолиту. Степень развития этих элементов иньской культуры ставит под сомнение предположение о появлении их в зародышевой форме на местной основе и последующем постепенном развитии, ибо на все это необходимы тысячелетия эволюции. Ускорить же темпы эволюции мог лишь интенсивный приток информации извне. Это видно на примере всех существенных нововведений Инь, начиная с бронзы. Изучение первоклассных иньских бронз показало, что они имеют особенности в технике применения и технологии изготовления, в химическом составе и принципах отливки сосудов (многосекционные составные керамические формы в отличие от характерного для других древних центров металлургии ис-

ципиальные проблемы генезиса неолита и земледелия, что лишает возможности вообще ставить вопрос о влияниях со стороны более развитых соседних культур. Видимо, неправ М. В. Крюков, когда он исходит из того, что «переход к производящей экономике происходил здесь на местной основе и не был связан с культурным влиянием бассейна Хуанхэ» (М. В. Крюков. Указ. соч., стр. 95). Влияние такого рода бесспорно, можно дискутировать лишь о роли, степени и значении его, причём даже роль простого заимствования ценной информации в этом случае чрезвычайно важна.

³² См.: Тан Юнь-мин. Сходство керамического инвентаря Луншань и Инь. «Вэньу данькао цзыляо», 1958, № 6, стр. 67—69; Chang Kwang-chih. The Archaeology... 2 ed., p. 236 (таблица).

пользования форм по принципу «утраченного воска»). Здесь, безусловно, сказался многовековой опыт китайских гончаров: не случайно иньские бронзовые сосуды были копиями яншао-луншаньской керамики. Но всего этого явно недостаточно для того, чтобы утверждать, будто иньская металлургия полностью автохтонна³³. Специалисты, не ограничивавшие круг своих интересов одной лишь иньской металлургией, обращают внимание на общие закономерности распространения информации о металлургии, по отношению к которым иньские особенности суть лишь второстепенные частности³⁴.

Этот вывод убедительно подкрепляется анализом иньского бронзового оружия. Иньское оружие, утварь, украшения из бронзы имеют бесспорные параллели и аналогии в культурах степной полосы к северу от Западной Азии и бассейна Хуанхэ. Характер связей не вполне ясен и вызывает противоречивые оценки³⁵. Но сравнительное изучение иньского оружия показало, что некоторые типы его, прежде всего с полостной рукоятью, не могли появиться в самом Китае на базе местных каменных прототипов, тогда как наличие аналогов и предково-переходных форм таких типов в других районах Евразии свидетельствует о том, что они были заимствованы извне в готовом виде³⁶. Это относится и к группе изделий так называемого звериного стиля.

Еще более бесспорны аналогии между иньскими и западноазиатскими колесницами. О случайных совпадениях здесь не может быть и речи, тем более что ни примитивной повозки как переходного этапа, ни одомашненной лошади китайский неолит не знал. Зато культ лошади и боевой колесницы, использовавшейся в качестве главного вида вооружения и высоко ценившейся иньцами, до мелочей напоминает аналогичный культ у ряда западноазиатских народов хурритско-митаннийской и индоевропейской группы. Но между Западной Азией и иньским Китаем — тысячи километров пути, на котором следов колесницы почти не обнаружено, если не считать одного исключения. Речь идет о карасукской культуре Южной Сибири, бронзовый инвентарь которой напоминает иньский, что было отмечено многими исследователями, изучавшими вопрос о культурных контактах между иньцами и карасукцами. Среди бронзовых вещей карасукцев встречаются загадочные «предметы неизвестного назначения» типа ярма-валька. Эти предметы — прямоугольные пластины, концы которых изгибались в виде дуг и украшались бубенчиками либо наверхиями в «зверином стиле», чаще всего в виде конских голов, были уменьшенными копиями иньских, служивших, видимо, для крепления постромов в колеснице. (Имеются, правда, и другие объяснения их применения в снаряжении колесницы и колесничего³⁷.) Напрашивается вывод, что предки карасукцев были знакомы с колесницами, но предали этот вид вооружения забвению, сохранив в качестве воспоминания о прошлом миниатюрные изделия поистине «неизвестного назначения», использовавшиеся скорее всего в культовой сфере. Таким образом, карасукскую культуру можно трактовать как косвенное указание на направление культурных связей, благодаря которым предки иньцев могли познако-

³³ H. V. Barnard. *Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China*. Tokyo. 1961, pp. 59, 108 etc.

³⁴ L. Aitchison. *A History of Metals*. Vol. I. L. 1960.

³⁵ Б. Карлгрен считал, что влияние шло из иньского Китая (B. Karlgren. *Some Weapons and Tools from the Yin Dynasty*. «VMFEA», Stockholm, 1945, № 17, p. 147). Позже эту же идею высказывал С. В. Киселев (С. В. Киселев. *Неолит и бронзовый век Китая*. «Советская археология», 1960, № 4). Противоположная точка зрения наиболее обстоятельно сформулирована в работе Н. Л. Членовой (Н. В. Членова. *Хронология памятников карасукской эпохи*. М. 1972, стр. 131—139).

³⁶ M. Loehr. *Chinese Bronze Age Weapons*. Ann-Arbor. 1956, pp. 25—32.

³⁷ Подробнее см. П. М. Кожин. К вопросу о происхождении иньских колесниц. «Культура народов зарубежной Азии и Океании». Л. 1969, стр. 29—40.

миться с колесницами, а следовательно и с лошадьми, многими видами оружия и утвари.

Заслуживает внимания зодчество иньцев, умевших возводить мощные городские стены, дворцы и мавзолеи с использованием утрамбованного фундамента и сложной техники переплетения потолочных перекрытий, опиравшихся на несущие столбы-колонны по периметру здания. Строительно-архитектурная практика иньцев столь же резко контрастировала с аналогичной практикой яншаосцев или луншаньцев, как великолепные иньские бронзы — с керамикой или каменными орудиями неолита. Это особенно заметно при ознакомлении с мавзолеями — гигантскими крестообразными в плане ямами с центральной камерой для гроба и с четырьмя боковыми камерами (с проходами-выходами на поверхность), в которых располагали погребенных с покойником людей и изделия. Китайские археологи, раскопав эти гробницы, сравнивали их прежде всего с царскими гробницами Ура, где также открыто множество погребенных с покойником людей. Разумеется, из этого не следует, что с подобного рода кровавой практикой иньцы познакомились именно в Уре. Это означает лишь то, что и иньские, и урские правители имели сходные представления о загробном мире и обладали примерно одинаковыми возможностями для реализации этих представлений. Что касается причин такого сходства (в конечном счете ведь не все правители поступали подобным образом: практике насильственного умерщвления при похоронах не следовали ни фараоны, ни многие другие восточные деспоты), то здесь также многое свидетельствует о наличии определенных культурно-генетических контактов.

Примерно о такого же рода связях говорят и некоторые культурные элементы Инь. Иньское искусство совершенно. Это великолепно выделанные бронзовые сосуды и фигурки в рельефном исполнении, с поразительным по совершенству орнаментом; хорошая круглая каменная скульптура, затейливые узоры на камне и кости, поделки из нефрита и т. д. Иньские изделия занимают почетное место в музеях мира. Среди иньской пластики и в рельефном орнаменте особым вниманием пользуются изделия в «зверином стиле», стиле весьма специфичном. Для него характерно изображение некоторых зверей в динамической позе, что совсем несхоже с обычными изображениями животных, например, в древнекитайском неолите³⁸. Для иньского искусства характерны также ажурная резьба по кости и дереву, резной и аппликативный орнамент на керамике, во многом дублирующий орнамент на бронзовых сосудах и отличный от луншаньского и яншаоского. Необходимо отметить новые мотивы и типы орнамента и рисунка. Обычно центральное место в иньском орнаменте занимала маска тао-те — изображение монстра с огромными круглыми глазами, мощными разветвленными рогами, изредка также с большим ртом, носом и туловищем зверя, дракона или даже человека³⁹. Рядом с ним изображались животные, змеи, драконы, цикады, рыбы, затейливые спирали и зигзаги. Изредка встречались и человеческие лица, обычно выполнявшиеся в строго реалистической манере и убедительно свидетельствующие о том, что иньцам были знакомы различные расовые типы, включая лица с явно выраженными негро-австралоидными и европеидными признаками⁴⁰.

³⁸ Подробней см. Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. 1967.

³⁹ Ряд веских оснований позволяет считать, что тао-те было иконографическим изображением иньского верховного божества-первопредка Шанди (L. S. Vasilyev. Certain Aspects of Ancient Chinese Religion. Moscow. 1967 (Paper for XXVII International Congress of Orientalists); Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции в Китае. М. 1970, стр. 82—86).

⁴⁰ Опубликованные в КНР материалы подчеркивают факт монголоидности иньцев (Мао Се-цзюнь, Янь Инь. Доклад об изучении зубов иньцев из Аньяна и Хуэйсяна.

Несколько слов — о календаре и письменности. О том, что календарно-астрономические и астрологические представления древних китайцев совпадали с аналогичными представлениями других древних народов — индийцев, вавилонян и халдеев, писали многие исследователи, при этом некоторые исходили из возможного факта заимствования китайцами соответствующих представлений, например, 12 знаков Зодиака или 12- и 60-ричных циклов⁴¹. Сходство здесь неоспоримое. К тому же более позднее формирование китайского очага цивилизации дает основание для подобного рода выводов. Сложнее обстоит дело с языком и письменностью. Многие авторы отстаивали в свое время тезис об автохтонности китайского письма⁴². Современные китайские специалисты пытаются обосновать этот тезис с помощью анализа иньских знаков и более древних граффити эпохи неолита⁴³. Но это сравнение мало эффективно: древние граффити резко отличны от аняннского письма, которое имеет гораздо больше сходства с шумерскими иероглифами⁴⁴. Однако эта проблема по-прежнему остается нерешенной. Новый свет на нее может пролить лингвистический анализ, в частности попытки сопоставления иньских слов с древними индоевропейскими. Эти сопоставления стали возможны только после появления реконструкции древнекитайского языка, предложенной Б. Карлгреном⁴⁵. Основываясь на этой реконструкции, синологи и лингвисты ставили вопрос о наличии в древнекитайском языке звучаний, близких к звучанию индоевропейских древних слов⁴⁶. Количество таких аналогий исчислялось сотнями, хотя выводы предложивших их ученых — Я. Уленбрука и Т. Улвинга — пока, естественно, крайне осторожны.

Многое из сказанного выше на первый взгляд может показаться непривычным: как это так, Китай и индоевропейцы?! Могут вызвать и вызывают сомнения параллели и аналогии в сфере металлургии, строительства, искусства, даже такие бесспорные аналогии, как в случае с колесницей. Следует, однако, обратить пристальное внимание на то, что таких совпадений, пусть невероятных, оказывается слишком много для простой случайности. Взятые вместе, в сочетании друг с другом, они образуют довольно внушительный культурный комплекс, корни которого ведут, по меньшей мере частично, в сторону от Китая. Но как же все это в конце концов стало достоянием цивилизации Инь? Вопрос сложен, а ответ на него, даже с учетом новых археологических открытий 50-х—60-х годов, можно дать пока лишь в гипотетической форме. Новые рас-

«Гуцзижуй дунъююй гужэньлэй», 1959, т. I, № 2, стр. 81—85 и № 4, стр. 165—171). Однако, согласно данным Ли Цзи, иньцы были сильно брахицефализованными монголами, чем отличались от яншаосцев и луншаньцев (Li Chi. *Importance of the Anyang Discoveries in Prefacing Known Chinese History with a New Chapter*. «Proceedings of the Eight Pacific Science Congress». Vol. I. S. 1. 1955, pp. 433—434.

⁴¹ T. de Lacouperie. *Western Origin of the Early Chinese Civilization*. L. 1894, pp. 9—10; H. Cordier. *Histoire générale de la Chine*. Vol. I. P. 1920, pp. 33—34; L. de Saussure. *Le Systeme cosmologique Sino-Iranien*. «Journal Asiatique», t. 202, 1923; M. Hashimoto. *Ueber die astronomische Zeiteinteilung im alten China*. Tokio. 1943; J. Needham. *Op. cit.* Vol. II. Cambridge. 1956, p. 354.

⁴² B. Karlgren. *Philology and Ancient China*. Oslo. 1926.

⁴³ Го Мо-жо. Указ. соч.

⁴⁴ Анализ Ч. Болла позволил определить 21 идентичный знак и множество близких, хотя в ряде случаев такое сходство может быть признано случайным (C. J. Ball. *Chinese and Sumerians*. L. 1913).

⁴⁵ B. Karlgren. *Grammata Serica*. «BMFEA». Stockholm. 1940, № 12; «Grammata Serica Recensa». «BMFEA». Stockholm. 1957, № 29.

⁴⁶ E. G. Pulleyblank. *Chinese and Indo-Europeans*. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1966, pt. 1—2; J. Ulenbrook. *Einige Übereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und den Indogermanischen*. «Anthropos», 1967, vol. 62, № 3—4; e. j. u. s. d. *Zum chinesisches Wort hūe für «Blut»*. «Anthropos», 1968/69, vol. 63/64, № 1—2; e. j. u. s. d. *Zum chinesisches Wort ti*. «Anthropos», 1970, vol. 65, № 3—4; T. Ulving. *Indo-European Elements in Chinese?* «Anthropos», 1968/69, vol. 63/64, № 5—6.

копки в районе Чжэнчжоу (Эрлиган, Лодамяо) и Эрлитоу поставили вопрос об этапах развития Инь на более или менее реальную основу. Чжэнчжоуский этап, предшествовавший аньянскому, можно подразделить на стадии: Лодамяо, Эрлитоу, Эрлиган. Они демонстрируют постепенное нарастание нового качества в рамках эволюции от Луншань к раннему Инь. Так, в стоянках типа Лодамяо иньских признаков еще мало: это в основном новый тип керамики с резным и аппликативным орнаментом⁴⁷. В Эрлитоу появляются мелкие поделки из бронзы (нож, шило, наконечник, колокольчик), хотя следов литья, по сути дела, не обнаружено. Керамика — типично иньская не только по форме (встречаются тетраподы, неизвестные в неолитическом Китае) и орнаменту, но и по рисунку (сложные рельефные композиции с драконами и маской тао-те). Явно выражен и типично иньский метод строительства путем уплотнения земли в деревянных дощатых рамках («хан-ту»). Этим методом возводились фундаменты строений⁴⁸. Эрлиган, если оставить в стороне разницу в масштабах (это крупное городище со стеной и мастерскими), имело единственное принципиальное отличие от Эрлитоу — развитое бронзолитейное производство с отливкой сосудов, сходных с аньянскими, и оружия, в том числе полостного, — кельтов андроновско-турбинского типа⁴⁹.

Таким образом, линия Лодамяо — Эрлитоу — Эрлиган представляет собой эволюционировавший на местной неолитической базе раннеиньский комплекс, включавший в себя элементы, о происхождении которых мало что можно сказать. Но если даже предположить, что все это, включая развитое бронзолитейное производство, сложилось в самом Китае при минимальной роли информации извне, скажем, при посредстве появившихся в бассейне Хуанхэ странствующих кузнецов⁵⁰, то раннеиньский чжэнчжоуский комплекс в целом все же резко противостоит чуть более позднему аньянскому, где фиксируются неизвестные раннеиньскому комплексу развитая письменность, боевые колесницы, крупные мавзолеи с сотнями погребенных, дворцы, «звериный стиль», великолепная каменная скульптура, костяная резьба и т. д. Другими словами, если даже позднеиньский аньянский комплекс вырос из раннеиньского чжэнчжоуского, одной этой базы для него было явно недостаточно. В процессе генезиса аньянского комплекса, который только и можно считать очагом цивилизации в полном смысле этого слова, должен был принять участие еще какой-то этнокультурный компонент, видимо, родственной карасукскому. Как, где и когда произошел синтез местной, чжэнчжоуской основы с появившимися извне элементами, характерными только для аньянского комплекса, пока неясно, хотя можно предположить, что здесь сыграли свою роль передвижения по степному поясу владевших колесницами племен типа гиксосов, касситов или ариев⁵¹.

Все это не означает, что китайская цивилизация была привнесена откуда-то извне. Нельзя забывать, что гипотетический культурный поток, взаимодействие которого с местной основой привело к формированию древнекитайского очага цивилизации, смог реализовать свои потенции именно в бассейне Хуанхэ, а не где-либо еще, ибо для активного

⁴⁷ Чэнь Цзя-сян. Сообщение о раскопках шанской стоянки Лодамяо в Чжэнчжоу. «Вэньу цанькао цзыляо», 1957, № 10.

⁴⁸ Фан Ю-шэн. Сообщение о раскопках в Эрлитоу, уезд Яньши, пров. Хэнань. «Каогу», 1965, № 5.

⁴⁹ «Чжэнчжоу, Эрлиган». Пекин. 1959.

⁵⁰ Впервые идею о странствующих кузнецах выдвинули Г. Чайлд и Э. Херцфельд (E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. L.-N. Y. 1941, pp. 157—161). Эта идея была поддержана и некоторыми советскими авторами («История Сибири». Т. I. М. 1968, стр. 174—179).

⁵¹ W. A. Fairervis. *Op. cit.*, p. 130; L. E. Stover. *The Cultural Ecology of Chinese Civilization*. N.-Y. 1974, p. 43.

творческого восприятия информации нужны были достаточно благоприятные условия. Эти условия и были заложены усилиями поколений протокитайцев эпохи неолита, действовавших в оптимальной для расцвета земледельческой культуры обстановке. Иньцы же с их явно неоднородным происхождением и различными этнокультурными связями сумели лишь укрепиться на этом фундаменте и дать толчок дальнейшей эволюции древнекитайского общества. Это общество, восприняв от протокитайцев и иньцев их культурные потенции, как созданные веками их собственного развития, так и заимствованные извне по каналам мировой информации, — начало затем развиваться в основном по своим внутренним законам. Роль контактов с течением времени становилась менее значимой, а собственный потенциал — более весомым, что и позволяло ему сравнительно легко «переваривать» заимствованные в дальнейшем нововведения, приспособлявая их к специфике устоявшейся китайской цивилизации.

На протяжении тысячелетий специфика Китая, и он превратился в своего рода символ нерушимой стабильности и самобытности. Китайские же (быть может, китаизированные) имена древнейших мудрецов и правителей лишь укрепляли уверенность в том, что Китай с глубочайшей древности был очагом высокой культуры и источником культурной радиации и что он в этом плане ничем и никому не обязан. Эта идея абсолютной автохтонности играет и ныне не последнюю роль в пропагандистском арсенале маоизма. Но маоизм и китайская культура — далеко не одно и то же. Эта культура действительно велика. Она имеет многовековые традиции, и никто не собирается умалять ее значение. Речь идет о том, что китайская цивилизация, как и любая другая, складывалась в процессе постоянных культурных контактов, взаимодействий и заимствований.
